

Убивец

Джон Ву — the last action director

ЛОГИКА ЖАНРА

Китаец из Гонконга со странным для коренных китайцев именем Джон Ву въехал в Россию на хрупких плечах Жана-Клода Ван Дамма. Будучи (подобно большинству моих коллег) позорным снобом по отношению к гонконгскому кинематографу, я не могу утверждать, что кассеты с фильмами Ву не ходили у нас и прежде. Некоторые — наверняка бродят еще со времен охоты на видеоведьм*. Тем не менее именно после Hard Target наши самые старательные культуртрегеры видеопираты обратили взор на Hard Boiled. Именно голливудский дебют Джона Ву с любимцем читателей «МК» в роли универсального расстрельщика-супермена открыл отечественным кинополюшанам, что вообще-то у Ву есть знаменитая гонконгская полицейско-мафиозная серия, украшенная чем-то вроде шедевра под характерным названием The Killer («Убийца»)**. Именно посмотрев Hard Target, снабженный у нас неуклюжим титулом-калькой «Трудная мишень», захотелось узнать, а что же пишут о Ву склонные к иерархическим построениям аборигены Запада.

Пишут — нечто совершенно неожиданное. Т. е. для большинства есть Голливуд и только Голливуд. Но и в Америке, и в Канаде встречаются совсем уж ненормальные (я даже знаю одного бывшего соотечественника), которые исправно посещают кинотеатры в Чайна-таунах, считая, что гонконгские картины, при всей своей примитивности, обладают невиданной энергетикой, в лучах которой Голливуд — просто мумия, и что, подобно штатовскому кино 20–40-х, они многопластовы: каждому из зрителей достается по уму. Среди этих поклонников попадаются авторитетные кинокритики. Один из них — Дэвид Оверби — определяет Джона Ву безусловно самым одаренным и умным режиссером из работающих сегодня в жанре action (экшн, боевик), и самым лучшим создателем боевиков со времен Сэма Пекинпа. Фильмы Ву, утверждает Оверби, это пример маскульты, который одновременно арт.

«Трудная мишень» с Ван Даммом, благоусвоенная американцами в сентябре и украденная нашими уже в декабре, впечатлила как баснословным количеством мастерски и со вкусом убитых, так и своим (побережем слово «эстетика») внешним видом. Изысканнейшим садизмом. Почти непрерывный рапид. Замедленные кадры, позволяющие рассмотреть как вылетает пуля или стрела, как пробивает брызнувшее гейзером и рваной тканью плечо, бедро, раскасеет ребро, как с хлопком разлетается башка, как в щепки и бликующие стеклянные опилки раз-

брызгаются от пуль и гранат вечно хрупкие постройки. Почти балетная выверенность поз, жестов, движений напомнила не только о Пекинпа, но и о Сержо Леоне, про которого говорили (сам Серж Тубиана), что он — мост между европейской и американской традициями, ибо насилие у него совершенно хореографично, идет из оперы, и темперамент — тоже по-настоящему оперный. Напомнила о классическом вестерне. Я так и написал в видеоколонке («Сегодня» от 19 января с. г.), что Ву, стремясь, очевидно, преодолеть стандартность голливудского сценария, смело стилизовал шаблонный экшн под благородный вестерн... И написал ерунду. Т. е. насчет особого стиливого хода — все точно. Но это ход, вообще для Ву свойственный. Пуще того: «Трудная мишень» — лишь бледная копия фильмов, сделанных Ву в Гонконге. Если и был в мировом кинематографе фильм действительно кровавый (и в своей кровавости — невероятной грациозный) — то это «Убийца». Если какой фильм и превзошел «Убийцу» (тут я последний раз сошлюсь на мнение донельзя искушенных американцев), то, конечно, «Круто сваренные» (Hard Boiled), дважды круто порезанные даже в терпимом к экранной жестокости Гонконге — сначала цензурой, а затем прокатчиками, желавшими снизить возрастные ограничения***.

Не где-нибудь, а в «Круто сваренных» бандиты расчищают себе путь на запруженной людьми лестнице, попросту простреливая одного за другим, как прорубают тропу в тростнике — коротко шарая сквозь те самые привычные по телерепортажам белые (и разом краснеющие под пулями) китайские рубашечки с коротким рукавом и навыпуск****. Я уж не говорю о коронных, переходящих из фильма в фильм замедленных кадрах со стреляющим в прыжке Чау Юнь-Фэтом (любимый артист Ву и гонконгская звезда № 1 наряду с Тони Леонгом): он всегда стреляет с обеих рук, успев за миг полета послать в несчастного мерзавца две обоймы — так ровно и надежно прострочена только одежда фабрики «Большевичка».

Короче, показавшаяся нам страшной и стильной «Трудная мишень» — это всего-навсего Ву отредактированный. Приспособленный к пуританским нравам более осмотрительной Америки. Скорректированный и в смысле прямом: заключительную битву из «Трудной мишени», на всякий случай, смонтировали сами, без уч. режиссера.

Тезисы о завершенности жанра всегда уязвимы. Тем не менее шаг назад «Трудной мишени» обозначает ситуацию достаточно примечательную. Похоже, что именно в Гонконге рубежа 80–90-х и именно Джоном Ву был обозначен предел жанра action. От этого предела

ONCE A THIEF: КАК УВЕРЯЮТ, САМЫЙ НЕЖНЫЙ ИЗ ФИЛЬМОВ ДЖОНА ВУ

можно лишь оттолкнуться, отойдя назад — к формам более нежным.

Всякое дальнейшее развитие боевых сюжетов приведет совсем уж к полной эстетизации безнравственности. Экшн, в отличие от детектива, славен не загадкой, в отличие от триллера — не нагнетанием нервного напряжения. У него единственный путь: все новые и новые трюки. Все более изощренные способы убийств. Боевик, как ни странно, жанр достаточно бессюжетный и статичный. Он призван заводить публику эпизодом. Бесконечными вариациями одной и той же ситуации. На мораль места попросту нет — она пробалтывается скороговоркой. Чем сильнее авторское желание соединить экшн с моралью, тем комичнее (мелодраматичнее) результат (Ву и здесь обозначил предел. Ему хватает выдержки балансировать на последней грани. Чуть-чуть пережать — выйдут «Горячие головы»).

Всякое дальнейшее развитие жанра приводит к тому, что перестает сопереживать. Фильм превращается в набор аттракционов, будучи ценен, еще раз повторимся, количеством аттракционов на погонный метр пленки. Становится похож на компьютерную игру, которой, правда, не управляешь. В кровавой финальной битве «Круто сваренных» (сцена в госпитале), унесшей не одну сотню гонконгских жизней, двое наших суперменов крадутся с оружием вдоль больничных коридоров, на них из-за каждого угла последовательно выскакивают недоброжелатели — на долю секунды мед-

лят, давая возможность, как в игре, успеть первыми.

Всякое дальнейшее развитие приведет, наконец, к тому, что мы осознаем свою звериную дикийскую природу. Ибо почему еще мы смотрим боевики, если не потому, что ген преследования и убийства, оставшийся в нас еще с тех пор, когда мы были динозаврами, требует общих — равных с другими — прав. Тихо внушая, что он-то и есть свобода.

*И прежде всего — три самых ранних ленты Ву из т. н. «кунг-фу серии»: The Young Dragon (1973), The Dragon Tamers (1974) и Countdown in Kung Fu (1975). В последнем из них сыграл свою первую главную роль Джеки Чан.

**Назовем ее всю: A Better Tomorrow (1986), A Better Tomorrow II (1987), The Killer (1989), Bullet in the Head (1990), Once a Thief (1991), Hard Boiled (1992).

***Желал бы и я: знать, какая копия «Круто сваренных» — испорченная или девственная — ходит у нас.

****После таких фильмов Юго-Восточная Азия представляется сплошным мраком. Ощущение, что их там все-таки слишком много, и потому жизнь не стоит ни черта. Опаснейшую разборку в госпитале, приведшую в итоге к сверхжертвам, затевают в «Круто сваренных» не преступники — полиция! И никаких сомнений. Точно так же потряс меня когда-то один из первых боевиков из КНР. Обязанного взрывчаткой преступника (палец на кнопке) решено брать в переполненном поезде. Обсуждая план операции, генерал говорит: «Только постарайтесь, чтобы было меньше жертв» (!). Единственное святое для героев Ву — это коллеги-полицейские и дети. Убили своего — в слезы. Ребенок под пулями — трагедия. Вырос пострел — хоть мотыгой глуши подлца.

ХАРВИ КЕЙТЕЛ В «ПСАХ ИЗ ОТСТОЙНИКА» (RESERVOIR DOGS) КВЕНТИНА ТАРАНТИНО, НЕДАВНЕМ АМЕРИКАНСКОМ ФИЛЬМЕ, ШОКИРОВАВШЕМ ПУБЛИКУ ДИКОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ. ВУ ОТКРЕЩИВАЕТСЯ ОТ ПОДОБНОГО РОДА ПОДРАЖАТЕЛЕЙ, СЧИТАЯ, ЧТО ОНИ ПРОСТО ЭПАТИРУЮТ ЗРИТЕЛЕЙ, ТОГДА КАК ОН САМ, ВЫРОСШИЙ В ТРУЩОБАХ И ВИДЕВШИЙ МНОГО РЕАЛЬНОГО ЗЛА, ПРЕСЛЕДУЕТ НАВРАСТЕННЫЕ ЦЕЛИ